491
148891
1941 г.
1948 г.
491.782
К11
Краевая Библиотек
№ 148891
Книгохранилищ
Куйбышевского края

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АЛФАВИТѢ ДЛЯ ЛИТОВСКО-ЖМУДСКИХЪ КНИГЪ.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ подавленія въ 1864 году вооруженнаго польскаго возстанія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, до главнаго начальства этого края уже стали доходить опредѣленныя свѣдѣнія о томъ, что латино-польская пропаганда здѣсь не прекратилась, и что успѣшному развитію ея, между прочимъ, въ средѣ литовско-жмудскаго населенія, много содѣйствовало распространеніе книгъ на жмудскомъ языкѣ, напечатанныхъ латино-польскими буквами. Въ виду такихъ обстоятельствъ и того соображенія, что русская гражданская азбука лучше, нежели латино-польская, удовлетворяетъ фонетическимъ требованіямъ литовскихъ нарѣчій, бывшій главный начальникъ края М. Н. Муравьевъ просилъ въ 1864 году попечителя Виленскаго учебнаго округа напечатать, въ видѣ опыта, русскими буквами азбуку и календарь для литовскаго и жмудскаго населенія края. Препроводивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ Виленскій цензурный комитетъ экземпляръ отпечатанной русскимъ шрифтомъ литовской азбуки. М. Н. Муравьевъ предложилъ комитету не пропускать на будущее время для печатанія ни одного литовскаго букваря, писаннаго польскими буквами, и разрѣшать печатаніе такихъ букварей въ томъ только случаѣ, если они будутъ переписаны по данному образцу русскими буквами.

Въ сентябрѣ 1865 года преемникъ генерала-адъютанта Муравьева, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, подтвердилъ Виленскому цензурному комитету означенное распоряженіе и просилъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Корнилова, озаботиться изданіемъ возможно большаго числа учебниковъ и книгъ для

148891

народнаго чтенія на литовскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ русскими, буквами, такъ какъ до этого времени напечатаны были въ Вильнѣ, по распоряженію генерала Муравьева, на счетъ суммъ, находившихся въ его вѣдѣніи, и присланы въ управленіе Виленскаго учебнаго округа для разсылки по народнымъ училищамъ только четыре книжки, а именно: 1) Литовско-жмудскій букварь (въ количествѣ 7 тысячъ экземпляровъ), 2) Жмудскій букварь (10 тысячъ экземпляровъ) 3) Жмудско-русскій букварь по методѣ Золотова (4 тысячи экземпляровъ) и 4) Латышскій букварь (5 тысячъ экземпляровъ).

Въ томъ же 1865 году генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ предложилъ шести начальникамъ губерній, входившихъ въ то время въ составъ Виленскаго генералъ губернаторства, воспретить содержателямъ типографій, литографій и тому подобныхъ заведеній изготовлять какія бы то ни было изданія на литовскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ латино-польскими буквами и принять всѣ мѣры къ запрещенію ввоза, продажи и распространенія такихъ изданій. Распоряженіе это, повлекшее за собою изъятіе изъ обращенія всѣхъ разрѣшенныхъ ранѣе цензурою литовско-жмудскихъ изданій, напечатанныхъ латино-польскимъ шрифтомъ, было подтверждено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и предложено къ руководству, какъ всѣмъ вообще начальникамъ губерній, такъ и цензурному вѣдомству.

Въ 1866 году, по случаю возникшаго вопроса о снабженіи литовскими учебными книгами народныхъ училищъ Августовской и сосѣднихъ губерній и о печатаніи вообще пособій для изученія литовскаго языка, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ казенныя изданія на литовскихъ нарѣчіяхъ печатались непремѣнно русскими буквами, и чтобы печатаніе на казенный счетъ полныхъ литовскихъ сочиненій латинскимъ шрифтомъ не было допускаемо. Этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ руководствовалась и Академія Наукъ до 22-го апрѣля 1880 года, когда г. министромъ внутреннихъ дѣлъ было исходатайствовано Высочайшее соизволеніе на предоставленіе Академіи права печатать ученые труды по литовскому языку общеупотребительнымъ учено-латинскимъ алфавитомъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы подобныя изданія не были распространяемы въ массѣ литовскаго населенія Сѣверо-Западнаго и Привислянскаго краевъ. Приведеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ санкціонированы были распоряженія генералъ-адъютантовъ Муравьева и фонъ-Кауфмана, не потерявшія силы для Сѣверо-Западнаго края и до настоящаго времени.

Съ послѣдовавшимъ воспрещеніемъ употребленія латино-польска

алфавита при печатаніи изданій на литовскомъ, жмудскомъ и латышскомъ нарѣчіяхъ, всѣ заботы по снабженію народныхъ школъ учебниками и по изданію книгъ для народнаго чтенія, напечатанныхъ русскимъ шрифтомъ, какъ замѣчено выше, возложены были на управленіе Виленскаго учебнаго округа, и послѣднее, какъ сейчасъ увидимъ, не ослабляло своей дѣятельности въ этомъ направленіи даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства видимо тому не благопріятствовали. Чтобы не повторяться, сдѣлаемъ тутъ же обзоръ дѣятельности учебнаго округа по изданію и распространенію литовско-жмудскихъ изданій, печатанныхъ русскимъ алфавитомъ.

Получивъ для означенной цѣли единовременно 7 тысячъ рублей изъ суммъ, находившихся въ распоряженіи генералъ-губернатора, управленіе округа проектировало на первый разъ издать пять книгъ на жмудскомъ нарѣчіи русскимъ шрифтомъ: 1) Старый золотой алтарикъ, 2) Кантычки или собраніе кантовъ, духовныхъ пѣсенъ, 3) Евангеліе, 4) Краткій катихизисъ и 5) Священную исторію,—каждую книгу въ 10 тысячахъ экземпляровъ. Но при осуществленіи проекта оказалось возможнымъ издать только первыя четыре книги въ указанномъ количествѣ экземпляровъ каждую.

При преемникахъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана не было отпускаемо денежныхъ средствъ на литовско-жмудскія изданія; но учебный округъ, сознавая безусловную важность изданія и распространенія литовско-жмудскихъ книгъ русскимъ алфавитомъ, всѣми зависѣвшими отъ него способами неуклонно шелъ къ достиженію этой цѣли. Такъ, въ 1867 году напечатаны были на счетъ кредита на увеличеніе числа народныхъ училищъ въ краѣ: 1) Жмудско-литовскій букварь въ количествѣ 5 тысячъ экземпляровъ и 2) Молитвенникъ для жмудиновъ и литвиновъ въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ. Въ 1868 году напечатано руководство къ изученію русско-литовской грамоты и счисленія въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ частію на счетъ суммъ округа, частію комиссіонеромъ округа, книгопродавцемъ Сыркинымъ, на его собственный счетъ. Съ 1865 по 1872 годъ включительно издавался ежегодно на счетъ суммъ народное образованіе жмудско-русскій календарь, который выходилъ въ 1865 и 1866 годахъ въ количествѣ 3 тысячъ экземпляровъ, а въ послѣдующіе годы до 1872—въ количествѣ 5 тысячъ экземпляровъ; съ 1866 до 1875 года включительно издавался на счетъ того же источника латышско-русскій мѣсяцесловъ въ количествѣ 500 экземпляровъ ежегодно. Съ 1876 года, вмѣсто латышскаго календаря, на

тѣ же суммы разрѣшено было министерствомъ народнаго просвѣщенія управленію округа издать для разсылки по народнымъ училищамъ Витебской губерніи книжку подъ названіемъ „Русская грамота для латышей“, въ количествѣ 1200 экземпляровъ. Нѣсколько раньше, по распоряженію управленія Виленскаго учебнаго округа и съ одобренія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, приступлено было къ печатанію книжки „Русская грамота для литовцевъ“. Книжка эта въ 1875 году напечатана была въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ; къ 1878 году она разошлась, почему въ этомъ году выпущена была вторымъ изданіемъ въ томъ же количествѣ экземпляровъ, а въ 1882 году уже послѣдовало третье ея изданіе опять въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ. Въ 1879 году на средства Виленскаго учебнаго округа было выписано, за неимѣніемъ собственнаго изданія, изъ Варшавскаго учебнаго округа 100 экземпляровъ литовско-русскаго букваря для удовлетворенія запросовъ на этотъ букварь. Всего съ 1864 по 1883 г. латышско-литовско-жмудскихъ книгъ, преимущественно учебнаго содержанія и для школьнаго употребленія, было напечатано русскимъ шрифтомъ и разослано по народнымъ училищамъ до 155 тысячъ экземпляровъ. Для 19-лѣтняго періода времени такое число экземпляровъ можно признать вполнѣ достаточнымъ, тѣмъ болѣе, что, вопервыхъ, прямою задачей учебнаго округа было, естественно, изданіе книгъ главнымъ образомъ учебнаго содержанія, и вовторыхъ, денежныхъ средствъ, которыми можно было бы свободно пользоваться для цѣлей изданія, въ распоряженіи учебнаго округа не имѣлось.

Такимъ образомъ издательская дѣятельность управленія Виленскаго учебнаго округа шла объ руку съ общими мѣропріятіями высшей администраціи Сѣверо-Западнаго края, клонившимися къ постепенному, но радикальному освобожденію литовцевъ и жмудиновъ отъ польскаго вліянія. Распространеніе русской грамоты среди этихъ племенъ представляло собою могучее и вѣрное средство къ сближенію ихъ съ русскими, но оно, къ сожалѣнію, на первыхъ же порахъ встрѣтило серьезную задержку въ тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ вообще приходилось приводить въ исполненіе распоряженіе генералъ-адъютанта Муравьева.

Въ 1865 году жмудины и литовцы, имѣя домашнимъ языкомъ языкъ своихъ предковъ, знали только одну грамоту польскую. Русскій языкъ извѣстенъ былъ лишь отдѣльнымъ единицамъ изъ литовцевъ и жмудиновъ, терявшимся въ массѣ незнакомыхъ съ этимъ

языкомъ, и потому русской рѣчи тогда не было почти совсѣмъ слышно въ селеніяхъ на всемъ пространствѣ русской Литвы и Жмуди. Такимъ образомъ, издавая книги, нужно было одновременно создавать и читателей для нихъ. Конечно, при нормальномъ положеніи дѣлъ, быть можетъ, и въ средѣ взрослыхъ литовцевъ и жмудиновъ нашлись бы люди, которые усвоили бы себѣ русскій алфавитъ, и тогда вновь изданныя книги, напечатанныя русскимъ шрифтомъ, стали бы мало по малу расходиться; тѣмъ легче могло бы ознакомиться съ этими книгами и научиться ихъ читать молодое поколѣніе. Но мѣропріятіе генералъ-адъютанта Муравьева нашло себѣ жестокихъ противниковъ въ лицѣ римско-католическаго духовенства, которое, опасаясь за успѣхъ полонизаціи Литвы и Жмуди, не замедлило пустить въ ходъ всѣ бывшія въ его распоряженіи средства для того, чтобы лишить силы означенное мѣропріятіе и подорвать его значеніе.

Вскорѣ послѣ обнародованія распоряженія генералъ-адъютанта Муравьева, начинаетъ систематически развиваться контрабандный ввозъ изъ-за границы изданій на литовскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ латино-польскимъ шрифтомъ, достигшій впослѣдствіи весьма значительныхъ размѣровъ. По имѣющимся несомнѣннымъ свѣдѣніямъ, упомянутый ввозъ былъ организованъ главнымъ образомъ бывшимъ епископомъ Волончевскимъ и совершался при самомъ дѣятельномъ участіи ксендзовъ, между которыми выдающуюся роль въ этомъ дѣлѣ играли Брондзо, Стровнъ, Томашевскій, Эйгутовичъ, Бутвидъ, Рачковскій, Дембскій и др. Ближайшимъ помощникомъ Волончевскаго въ дѣлѣ преступной организаціи были тильзитскій деканъ Заберманъ, основавшій въ Тильзитѣ свою типографію для печатанія литовскихъ и жмудскихъ изданій польскими буквами, и полякъ Касперовичъ. По показанію ксендза Брондзо, которому было хорошо извѣстно дѣло книгопечатанія въ типографіи Забермана, изъ нея, въ сравнительно непродолжительное время, было вынущено до 19-ти тысячъ экземпляровъ. Въ одномъ 1868 году Заберманъ, по порученію Волончевскаго, напечаталъ 5 тысячъ экземпляровъ жмудскихъ брошюръ и книгъ, которыя тогда же были всѣ распроданы; бойкимъ мѣстомъ сбыта этихъ изданій служили костелы, построенные въ концѣ 1867 и 1868 годовъ на самой границѣ Ковенской губерніи. Упомянутыя выше изданія не только продавались народу, собиравшемуся въ костелы въ воскресные и праздничные дни, но и щедро раздавались даромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они переправлялись контра-

банднымъ путемъ и въ предѣлы имперіи, иногда въ повозкахъ съ двойнымъ дномъ, и тамъ распространялись при содѣйствіи тѣхъ же ксендзовъ. Но для вожаковъ этого дѣла было недостаточно распространять изданія на литовскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ, печатанныя латино-польскимъ шрифтомъ, и такимъ образомъ дѣлать излишними правительственныя изданія. Въ той же типографіи Забермана было напечатано нѣсколько тысячъ брошюръ возмутительнаго содержанія, направленныхъ къ тому, чтобъ унизить русское правительство въ глазахъ народа и представить его гонителемъ римско-католической вѣры. Нѣкоторыя изъ такихъ брошюръ вышли изъ-подъ пера самого епископа Волончевскаго. Въ средствахъ для печатанія подобныхъ изданій недостатка не было. Волончевскій посылалъ Забермапу для этой цѣли деньги, нерѣдко за одинъ разъ по тысячѣ рублей.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ кипѣла книгопечатная работа въ типографіи Забермана, полякъ Касперовичъ въ Лейпцигѣ, въ типографіи Брокгауза, завѣдывалъ печатаніемъ книжекъ на жмудскомъ языкѣ, предназначавшихся къ отсылкѣ въ Сѣверо-Западный край, и напечатанныя между прочимъ возмутительнаго содержанія брошюры пересылалъ въ городъ Мемель для распространенія ихъ оттуда по Ковенской губерніи чрезъ посредство услужливыхъ ксендзовъ, дѣйствовавшихъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Волончевскаго. Одни изъ этихъ ксендзовъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, переходили границу и проносили съ собою возмутительныя брошюры; другіе одѣвались становыми приставами, разъѣзжали по болѣе людпымъ мѣстамъ, раздавали народу брошюры и книги и въ то же время не безъ успѣха привлекали къ соучастію въ ихъ распространеніи многихъ крестьянъ и мѣщанъ.

Здѣсь нельзя пройдти молчаніемъ того, что католическому духовенству и внутри имперіи удавалось по временамъ добиваться печатанія дорогихъ для его цѣлей изданій, и прецеденты къ такого рода домогательствамъ съ его стороны были создаваемы неустойчивостью административныхъ мѣропріятій ближайшихъ преемниковъ генералъ адъютантовъ Муравьева и фонъ-Кауфмана по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ.

Выше было замѣчено, что распоряженіе генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, коимъ подтверждалось Виленскому цензурному комитету распоряженіе М. Н. Муравьева о воспрещеніи печатанія литовскихъ букварей польскими буквами, повлекло за собою изъятіе изъ обра-

щенія всѣхъ разрѣшенныхъ цензурою литовскихъ и жмудскихъ изданій, напечатанныхъ латинскимъ шрифтомъ. Распоряженіе это вызвало множество жалобъ со стороны типографщиковъ и книгопродавцевъ. Генералъ-адъютантъ Потаповъ, разсмотрѣвъ эти жалобы, нашелъ, что хотя вызванныя военнымъ положеніемъ распоряженія генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана онъ и могъ бы отмѣнить собственною властію, но въ виду того, что въ связи съ вопросомъ объ изъятіи изъ обращенія упомянутыхъ изданій подлежалъ разрѣшенію и вопросъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ Виленскаго цензурнаго комитета и отдѣльныхъ цензоровъ, призналъ необходимымъ просить министра внутреннихъ дѣлъ подвергнуть все дѣло разсмотрѣнію въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. Результатомъ такой постановки вопроса было состоявшееся, согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, утвержденному министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1870 году, опредѣленіе: 1) воспретить безусловно печатаніе въ краѣ и не возвращать уже отобранныя жмудскія книги, относящіяся до народнаго образованія, то-есть, буквари, учебныя руководства, сочиненія историческаго и повѣствовательнаго содержанія, и 2) возвратить книгопродавцамъ, дозволивъ имъ пустить въ продажу, пропущенные цензурою молитвенники и книги религіознаго и ученаго содержанія на означенныхъ языкахъ. Послѣднимъ пунктомъ приведеннаго постановленія, какъ и слѣдовало ожидать, впослѣдствіи данъ былъ поводъ къ тайнымъ новымъ изданіямъ напечатанныхъ латино-польскимъ шрифтомъ и дозволенныхъ къ продажѣ книгъ съ подложнымъ лишь обозначеніемъ года изданія. Далѣе, въ теченіе времени съ 1870 по 1882 годъ по разнымъ причинамъ было выпущено, въ видѣ исключеній, съ разрѣшенія комитетовъ Петербургскаго и Варшавскаго, до 15 изданій на латинскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ, отпечатанныхъ латинскимъ шрифтомъ. Въ этотъ промежутокъ времени, между прочими изданіями, разрѣшенъ былъ Петербургскою цензурою къ печатанію молитвенникъ на жмудскомъ нарѣчіи польскимъ алфавитомъ. Молитвенникъ этотъ въ рукописи былъ одобренъ митрополитомъ Фіялковскимъ въ 1878 году и напечатанъ въ Вильнѣ въ типографіи Осипа Завадскаго. Само собой разумѣется, что одобреніе молитвенника высшимъ лицомъ римско-католической іерархіи въ предѣлахъ имперіи и напечатаніе его съ дозволенія русской цензуры давало ему въ глазахъ жмудиновъ преимущество предъ однородными правительственными изданіями, не

имѣвшими такого одобренія, и при поддержкѣ ксендзовъ обезпечило за нимъ быстрое распространеніе среди литовцевъ и жмудиновъ.

Понятно, что при изложенныхъ обстоятельствахъ распоряженіе генералъ-адъютанта Муравьева на первыхъ порахъ не имѣло того успѣха, котораго въ правѣ были ожидать отъ него всѣ, кому дороги интересы русскаго дѣла въ Сѣверо-Западной Россіи вообще и на литовской окраинѣ въ частности. Тѣмъ не менѣе сѣмя, брошенное М. Н. Муравьевымъ на почву сближенія литовцевъ съ русскими, не заглохло: русская школа возростила это сѣмя, и оно принесло свой плодъ. По прекращеніи польскаго мятежа обѣ гимназіи Ковенской губерніи—Ковенская и Шавельская, въ которыхъ учащіеся изъ дѣтей крестьянъ-жмудиновъ всегда составляли значительный контингентъ, принимаютъ характеръ чисто русскихъ учебныхъ заведеній. Съ того же времени въ мѣстностяхъ Сѣверо-Западнаго края, населенныхъ литовцами и жмудинами, возникаетъ рядъ низшихъ сельскихъ школъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается и количество учащихся въ этихъ школахъ пропорціонально возростаетъ. Съ самаго начала открытія народныхъ училищъ въ названныхъ мѣстностяхъ входятъ въ употребленіе при преподаваніи литовской грамоты и закона Божія литовскіе и жмудскіе буквари, катехизисы и молитвенники, напечатанные исключительно русскимъ гражданскимъ шрифтомъ, при чемъ усвоеніе дѣтьми литвино-жмудиновъ, какъ этого шрифта, такъ равнымъ образомъ и русской грамоты, идетъ успѣшно, не представляя для учащихся никакого затрудненія. Въ 1872 году въ городѣ Поневежѣ, Ковенской губерніи, основывается учительская семинарія для приготовленія учителей въ народныя школы Ковенской губерніи, а затѣмъ, ровно черезъ десять лѣтъ,—реальное училище. Въ учительской семинаріи, годъ спустя послѣ ея основанія, съ Высочайшаго соизволенія производится обязательное обученіе воспитанниковъ литовско-жмудскому языку. Результаты дѣятельности этого учебнаго заведенія выразились подготовленіемъ до настоящаго времени болѣе 100 народныхъ учителей, хорошо изучившихъ грамматическія правила жмудско-литовскаго языка и примѣняющихъ на дѣлѣ свои познанія въ народныхъ школахъ по литовскимъ букварямъ гражданской русской печати.

Что въ упомянутыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ усвоеніе русскаго языка учащимися литвино-жмудинами идетъ вполнѣ успѣшно, объ этомъ свидѣтельствуетъ значительный процентъ крестьянскихъ

дѣтей, ежегодно переходящихъ изъ класса въ классъ и оканчивающихъ полный курсъ ученія. Но и въ низшихъ училищахъ, въ томъ числѣ и въ народныхъ школахъ, обученіе, въ объемѣ, установленномъ программою этихъ школъ, идетъ не менѣе успѣшно. Какіе результаты по обученію русскому языку достигаются народными училищами, расположенными въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ литовско-жмудскимъ населеніемъ, лучше всего показывается числомъ крестьянскихъ мальчиковъ, ежегодно выдерживающихъ испытаніе на пріобрѣтеніе льготы по отбыванію воинской повинности. Документальныя данныя свидѣтельствуютъ, что являющіяся въ качествѣ соискателей льготныхъ правъ дѣти литвино-жмудиновъ выходятъ изъ училищъ съ вполнѣ достаточными начальными познаніями въ русскомъ языкѣ: научаются читать по русски бѣгло и довольно правильно, пересказывать содержаніе читаннаго толково и писать подъ диктовку не безграмотно. Такихъ дѣтей бываетъ ежегодно въ народныхъ училищахъ Ковенской губерніи до 700 человѣкъ и въ училищахъ губерніи Виленской до 160. Въ одномъ Поневежскомъ уѣздѣ, Ковенской губерніи, число крестьянскихъ дѣтей, получившихъ свидѣтельства на льготу по воинской повинности по успѣшномъ окончаніи курса въ школахъ, въ періодъ времени отъ 1875 года по 1883, было 1091; значитъ. среднимъ числомъ на каждый годъ приходится болѣе 120 человѣкъ, По всему вообще Виленскому учебному округу въ народныхъ училищахъ обучается ежегодно литвиновъ среднимъ числомъ не менѣе 10 тысячъ; всѣ они на столько осваиваются съ русскимъ языкомъ, что по выходѣ изъ училищъ могутъ свободно говорить на немъ, читать и по возможности грамотно писать. На пріемныхъ испытаніяхъ при поступленіи въ Шавельскую гимназію, въ которой особенно значителенъ процентъ учащихся сельскихъ сословій, мальчики-жмудины, предварительно прошедшіе народную школу, обнаруживаютъ по русскому языку знанія, совершенно достаточныя для приготовительнаго, перваго, а нѣкоторые даже и для втораго класса. То же явленіе замѣчается и въ Ковенской гимназіи. Свѣдѣнія о результатахъ пріемныхъ испытаній въ Поневежскомъ реальномъ училищѣ показываютъ, что послѣ дѣтей лицъ духовнаго происхожденія, чиновниковъ и почетныхъ гражданъ, высшій процентъ обнаруживающихъ удовлетворительныя знанія на пріемныхъ испытаніяхъ (58%) приходится на долю крестьянскихъ дѣтей, въ большинствѣ получающихъ подготовку въ народныхъ училищахъ. Общее, наиболѣе благопріятное впечатлѣніе производятъ экзамены по русскому языку, на которыхъ

дѣти, въ особенности крестьянъ-литвиновъ, оказываютъ вполнѣ достаточное умѣнье писать, читать раздѣльно и твердо, прочитанное понимать и передавать правильно; кромѣ того, большинство изъ поступающихъ въ I-й классъ обладаетъ сравнительно достаточными свѣдѣніями изъ русской грамматики.

Чѣмъ больше увеличивается въ массѣ народонаселенія число прошедшихъ полный учебный курсъ въ русской школѣ, тѣмъ болѣе должно распространяться знаніе русскаго языка въ средѣ народной. И по отношенію къ литовцамъ и жмудинамъ Сѣверо-Западнаго края это—фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Имѣющіяся достовѣрныя данныя свидѣтельствуютъ, что въ Ковенской губерніи, гдѣ литовско-жмудскій элементъ преобладаетъ въ составѣ народонаселенія, многіе даже изъ стариковъ-жмудиновъ могутъ свободно понимать русскую рѣчь, могутъ также и сами удобопонятно объясняться по русски; о молодыхъ же людяхъ это и подавно сказать можно: благодаря имъ, во многихъ литовско-жмудскихъ семьяхъ въ послѣднее время становится почти обыкновеннымъ явленіе, что несовершеннолѣтніе члены ихъ до поступленія въ народныя училища уже дома пріобрѣтаютъ нѣкоторое знакомство съ русскою рѣчью. Къ сказанному нельзя не прибавить, что ученики литовскихъ народныхъ училищъ, по окончаніи курса отбывающіе воинскую повинность, пишутъ своимъ роднымъ литовскія письма русскими буквами. У насъ имѣется нѣсколько такихъ писемъ, относящихся къ разнымъ годамъ, и всѣ они писаны свободно, привычною рукой.

Таковы результаты, достигнутые на литовской окраинѣ русскою школою, которая съ самаго начала своего возникновенія медленными, но твердыми и рѣшительными шагами шла по пути сближенія литовцевъ и жмудиновъ съ русскимъ населеніемъ Сѣверо-Западнаго края, съ достоинствомъ и честію преодолѣвая по мѣрѣ силъ своихъ всѣ встрѣчающіяся ей на этомъ пути преграды. Благодаря благотворному воздѣйствію школы, племенная рознь между литвино-жмудинами и русскими постепенно начинаетъ сглаживаться. Если и теперь среди литвиновъ можно встрѣтить не мало людей, которые пришли къ убѣжденію, что литовецъ не полякъ, то съ теченіемъ времени число такихъ людей должно увеличиваться все больше и больше. Не удивительно поэтому, что ревнители польщизны, которымъ всего болѣе желалось бы держать литвиновъ въ полномъ отчужденіи отъ всего русскаго, заставить ихъ видѣть въ русскихъ тѣхъ же враговъ, какими они кажутся полякамъ, издавна смотрѣли

на русскую правительственную школу въ литовскихъ мѣстностяхъ, какъ на ненавистное для нихъ насажденіе и старались во что бы то ни стало парализовать ея дѣятельность. Враждебные русской школѣ происки со стороны мнимыхъ ревнителей блага литовцевъ, во главѣ которыхъ, разумѣется, всегда стояло римско-католическое духовенство, проявлялись прежде всего въ борьбѣ противъ поступленія дѣтей литвиновъ и жмудиновъ въ школу. Не особенно много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ Ковенской губерніи были раскидываемы брошюры возмутительнаго содержанія, заключавшія въ себѣ множество нападокъ на правительственную русскую школу за употребленіе въ ней русскаго языка и вообще за ея русское направленіе. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ брошюръ высказывалось, что русская школа пропагандируетъ между литовцами православіе и такимъ образомъ въ корнѣ подрываетъ авторитетъ вѣры католической; литвины поэтому приглашались, во избѣжаніе религіозно-нравственной порчи молодаго поколѣнія, остерегаться отдавать своихъ дѣтей въ эту школу и всячески уклоняться отъ общенія со схизматиками. Но бороться съ русскою школой въ этомъ направленіи врагамъ ея оказалось не подъ силу: отказаться отъ этой школы, пренебречь ею значило бы для литвина причинить невознаградимый ущербъ самымъ жизненнымъ своимъ интересамъ. И вотъ въ результатѣ безуспѣшности этой борьбы является попытка насильно навязать школѣ, чрезъ посредство ксендзовъ-законоучителей, буквари, напечатанные латинопольскими буквами. Рукополагая ксендза, будущаго законоучителя народной школы, епископъ Волончевскій почти всегда вручалъ ему свои произведенія, при чемъ дѣлалъ такое наставленіе: „Ты назначенъ въ училище, гдѣ обучаютъ по букварямъ, печатаннымъ русскими буквами; вотъ тебѣ буквари, напечатанные и жмудскими буквами: раздай и распродай ихъ дѣтямъ, чтобы они не забыли тѣхъ буквъ, которыми были печатаны книги отцовъ ихъ, по которымъ они читали и молились“. И ксендзы, разумѣется, неукоснительно слѣдовали внушеніямъ своего епископа. Есть основаніе предполагать, что не одинъ Волончевскій дѣйствовалъ такимъ образомъ. Но и эта попытка повредить русской школѣ не имѣла успѣха. Поборникамъ польщизны не оставалось больше ничего, какъ напрячь всѣ усилія къ возможно большему ослабленію значенія школы въ глазахъ литовцевъ путемъ прегражденія печатаннымъ русскими буквами книгамъ доступа въ среду народа. Они разсуждали такъ: стоитъ только уничтожить книги, печатанныя русскимъ шрифтомъ, замѣнивъ ихъ

книгами польской печати, и связь школы съ жизнію порвется: прошедшіе народную школу должны будутъ или переучиваться, или осудить себя на то, чтобы ничего не читать, такъ какъ въ школѣ они изучали лишь русскій шрифтъ; въ томъ и другомъ случаѣ русская школа съ ея направленіемъ должна будетъ потерять всякое значеніе въ глазахъ литовцевъ, и послѣднимъ придется лишь жалѣть о времени пребыванія въ этой школѣ, какъ о потраченномъ совершенно напрасно.

Все сказанное необходимо имѣть въ виду для установленія правильной точки зрѣнія на цѣлый рядъ ходатайствъ предъ правительствомъ о замѣнѣ въ литовско-жмудскихъ изданіяхъ русскаго шрифта обязательнаго со времени извѣстнаго распоряженія генералъ-адъютанта Муравьева, шрифтомъ латино-польскимъ. Упомянутыя ходатайства были возбуждаемы, какъ римско-католическимъ духовенствомъ, такъ и нѣкоторыми изъ молодыхъ образованныхъ литовцевъ, очевидно, ополячившимися.

Въ 1879 году кандидатъ математическихъ наукъ, бывшій воспитанникъ Шавельской гимназіи, Вилейшисъ, вошелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи разъ навсегда установить для печатанія книгъ на литовскомъ языкѣ особый алфавитъ. Главныя положенія, которыми мотивировалъ свое ходатайство г. Вилейшисъ, слѣдующія:

1) Временное запрещеніе издавать книги литовско-латино-польскимъ шрифтомъ, устраняя изъ среды литовцевъ обращеніе книгъ подцензурнаго содержанія, имѣетъ прямымъ слѣдствіемъ: а) распространеніе между литовцами безцензурныхъ книгъ, и б) сбытъ польскихъ букварей для литовцевъ.

По поводу этого мотива въ свое время было высказано, что литовскія изданія, напечатанныя латино-польскимъ алфавитомъ, могли бы имѣть обращеніе развѣ только въ средѣ тѣхъ литвиновъ и жмудиновъ, которые не получили образованія въ правительственныхъ народныхъ школахъ Сѣверо-Западнаго края, потому что молодое поколѣніе крестьянъ Литвы не станетъ ихъ читать, какъ писанныхъ непонятнымъ ему латино-польскимъ алфавитомъ. Что же касается распространенія среди литовцевъ безцензурныхъ книгъ и сбыта польскихъ букварей въ русской Литвѣ, производившагося съ восточной прусской границы, то причина этого явленія кроется не въ запрещеніи печатать литовскія книги латино-польскимъ шрифтомъ, а въ стремленіи польской эмиграціи чрезъ особыхъ промышленниковъ-

спекулянтовъ парализовать плодотворные результаты русской народной школы на Литвѣ.

2) Особый шрифтъ для литовцевъ выработанъ, по словамъ г. Вилейшиса, такими лингвистами, какъ профессоръ Шлейхеръ, Нессельманъ, Куршатъ, Гейтлеръ и др. Предлагая этотъ шрифтъ, какъ весьма пригодный для литовско-жмудскихъ изданій, г. Вилейшисъ въ одномъ мѣстѣ своей записки категорически признаетъ его не имѣющимъ ничего общаго съ латино-польскимъ, а въ другомъ—говоритъ, что шрифтъ, употребляемый названными выше учеными для литовскаго языка, есть латинскій, съ присовокупленіемъ только слѣдующихъ буквъ, необходимыхъ для литовскаго языка: é, ë, ą, ę, i, u, ź и ū.

Въ этихъ замѣчаніяхъ есть нѣкоторое противорѣчіе, лишающее всякой убѣдительности объясненія г. Вилейшиса объ отличіи проектированнаго имъ особаго шрифта отъ латино-польскаго. Далѣе, ссылаясь на научный авторитетъ Шлейхера, г. Вилейшисъ самъ колеблетъ свои доводы о непригодности будто бы русскаго шрифта для выраженія звуковъ литовской рѣчи. Когда въ шестидесятыхъ годахъ Императорская Академія Наукъ поручила Шлейхеру представить очеркъ формъ славянско-литовской вѣтви языковъ того времени, когда между обоими нарѣчіями еще не существовало раздѣленія, то знаменитый лингвистъ давалъ печатать свои подготовительныя по изслѣдованію означеннаго вопроса работы на русскомъ языкѣ въ Запискахъ Академіи (такова, напримѣръ, статья о темѣ на *и* (у) въ индо-европейскихъ языкахъ) и находилъ русскую гражданскую печать удобною для выраженія даже историческихъ формъ древне-литовскаго языка. Не говоритъ ли этотъ фактъ въ пользу несомнѣнной возможности пользоваться русскимъ шрифтомъ для литовскихъ книгъ, не прибѣгая къ изобрѣтенію „особаго алфавита“?

Проба, сдѣланная г. Вилейшисомъ, какъ говорится, на-авось, оказалась неудачною; но съ нея дѣло только началось. Въ 1882 году управляющій Тельшевскою римско-католическою епархіей Бересневичъ, ссылаясь на тяжелое положеніе крестьянъ литовцевъ и жмудиновъ, не умѣющихъ читать книги, напечатанныя русскими буквами, обратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ распоряженія 1865 года касательно запрещенія печатать книги на литовскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ латинскимъ шрифтомъ. Неумѣстность этого ходатайства была сама собою очевидна. Епископу Бе-

ресневичу, безъ сомнѣнія, была извѣстна дѣятельность Волончевскаго, благодаря которому Литва и Жмудь были наводнены заграничными изданіями, и слѣдовательно, недостатка въ книгахъ, особенно религіознаго содержанія, печатанныхъ латино-польскимъ шрифтомъ, на всемъ пространствѣ Тельшевской епархіи вовсе не ощущалось. Затѣмъ хорошо зналъ епископъ Бересневичъ также о состоявшемся еще въ 1870 году, въ видѣ изъятія, разрѣшеніи возвратить книгопродавцамъ и пустить въ продажу отобранныя у нихъ нѣсколько раньше изданія религіознаго содержанія латинской печати. Не безызвѣстно, наконецъ, было ему и то, что въ 1879 году, какъ замѣчено выше, съ дозволенія цензуры изданъ былъ въ Петербургѣ молитвенникъ на литовскомъ языкѣ польскими буквами. Правъ ли былъ, послѣ всего этого, Бересневичъ, указывая въ своемъ ходатайствѣ на тяжкое положеніе литовцевъ и жмудиновъ, не умѣющихъ читать по русски?

Посмотримъ на дѣло съ другой стороны. Къ 1882 году исполнилось почти 18 лѣтъ со времени открытія народныхъ училищъ на литовской окраинѣ Россіи и употребленія въ нихъ для учащихся литовцевъ книгъ, напечатанныхъ русскимъ алфавитомъ. Въ этотъ періодъ времени число литовцевъ и жмудиновъ, прошедшихъ русскую народную школу, простиралось по крайней мѣрѣ до 150 — 160 тысячъ, хорошо усвоившихъ русскую азбуку, обучившихся русской грамотѣ и въ достаточной степени овладѣвшихъ русскою разговорною рѣчью. Что касается въ частности 1882 года, то въ этомъ году въ училищахъ Ковенской губерніи, въ предѣлахъ епархіи Бересневича, состояло учащихся чистыхъ литвиновъ и жмудиновъ 8,500 человѣкъ; въ качествѣ пособій при преподаваніи въ названныхъ училищахъ служили слѣдующія изданія русской печати: 1) букварь подъ названіемъ „Русская грамота для литовцевъ“; 2) „Сокращенный катехизисъ“, изданный по Высочайшему повелѣнію для обучающихся въ школахъ римско-католическаго юношества въ 1865 году; 3) жмудскій молитвенникъ „Древній золотой алтарь“, или собраніе различныхъ молитвъ и пѣснопѣній, изданный въ Вильнѣ, въ 1866 году. Первыя двѣ книжки съ успѣхомъ употреблялись въ качествѣ необходимыхъ руководствъ при первоначальномъ ознакомленіи дѣтей съ русскою грамотой и при преподаваніи имъ закона Божія въ младшемъ отдѣленіи каждой сельской школы. Что же касается молитвенника „Золотой алтарь“, то таковой вовсе не употреблялся только вслѣдствіе противодѣйствія его употребленію со стороны ксендзовъ-законо-

учителей, не потому, однакожь, что онъ напечатанъ русскимъ шрифтомъ, а потому что, по мнѣнію ксендзовъ, молитвенникъ этотъ представляетъ собою неточный переводъ съ польскаго языка, не согласный съ толкованіями римско-католической церкви. Въ училищахъ Виленской губерніи, расположенныхъ въ мѣстностяхъ съ литовскимъ населеніемъ (большая часть Виленскаго уѣзда, уѣздъ Трокскій, большая часть Свенцянскаго и часть Лидскаго), съ числомъ учащихся литвиновъ до 1.250 человѣкъ, въ употребленіи букварей, катехизисовъ и молитвенниковъ на литовскомъ нарѣчіи, печатанныхъ русскими буквами, даже особенной надобности не было, такъ какъ преподаваніе производилось прямо на русскомъ языкѣ, при чемъ тѣ изъ дѣтей, которыя не понимали этого языка при поступленіи въ школу (а такихъ дѣтей было вообще немного), получали на первыхъ порахъ, согласно инструкціи для начальныхъ народныхъ училищъ, объясненія на родномъ ихъ нарѣчіи: до такой степени были значительны успѣхи молодыхъ литвиновъ въ дѣлѣ освоенія съ русскимъ шрифтомъ и русскою грамотой.

Такимъ образомъ, сѣтованія епископа Бересневича на тяжкое будто бы положеніе литовцевъ, чуть ли не лишенныхъ даже возможности молиться Богу изъ-за того же русскаго алфавита, были совершенно напрасны. Ходатайство, какъ и слѣдовало ожидать, не увѣнчалось успѣхомъ.

Въ 1883 году въ главное управленіе по дѣламъ печати представлены были въ рукописяхъ на разсмотрѣніе для дозволенія къ изданію 1) „Литовскій букварь на жмудскомъ языкѣ, содержащій образцы для упражненія въ чтеніи“ и 2) „Литовская азбука съ объясненіемъ литовскаго правописанія“. Первая книжка составлена была г. Мигловаромъ, а вторая—г. Милевскимъ. Обѣ онѣ хотя и написаны были русскимъ шрифтомъ, но съ отступленіями, которыя, по мнѣнію авторовъ, были необходимы для выраженія нѣкоторыхъ звуковъ литовскаго языка.

На первый взглядъ могло казаться, что послѣ неудавшихся ходатайствъ г. Вилейшиса и епископа Бересневича, гг. Мигловаръ и Милевскій, примѣняя русскій шрифтъ въ своихъ литовскихъ книжкахъ, готовы были пойдти на встрѣчу желаніямъ правительства отстоять за этимъ шрифтомъ законно принадлежащія ему права гражданства въ литовской письменности; но ближайшее разсмотрѣніе ихъ рукописей дало твердое основаніе для совершенно обратнаго вывода: на самомъ дѣлѣ оказалось, что въ обѣихъ рукописяхъ русскій шрифтъ

измѣненъ былъ совсѣмъ неудачно. Это сдѣлано видимо намѣренно. Такъ, напримѣръ, г. Мигловаръ въ своемъ букварѣ вмѣсто звука *у* рекомендуетъ употреблять ижицу, вмѣсто *ы—і* и вмѣсто *я, ѣ, е, ю*—іа, іе, іо, іу и іѵ, между тѣмъ какъ такая замѣна вовсе не представляется необходимою, потому что произношеніе перечисленныхъ звуковъ на жмудскомъ языкѣ ничѣмъ не разнится отъ русскаго; самъ г. Мигловаръ признаетъ это во II отдѣлѣ своего букваря подъ заглавіемъ „изложеніе правописанія“ и въ IV отдѣлѣ — „рѣчь къ отцамъ и учителямъ“. Далѣе, въ томъ же букварѣ изъяты почему-то изъ употребленія ъ, и ь, которые въ жмудскомъ языкѣ необходимы на столько же, на сколько и въ русскомъ.

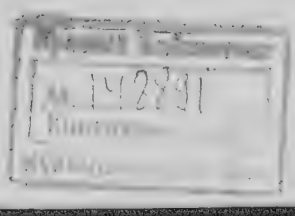
Въ „Литовской азбукѣ“ г. Милевскаго къ числу чуждыхъ литовскому произношенію буквъ отнесены: щ, ъ, ь, ы, Ѣ, э, ю, я, ѳ, ѵ. Если двѣ послѣднія буквы и излишни для литовскаго языка, то нельзя того же сказать объ остальныхъ; почему вмѣсто двухъ буквъ *сч* или *шч* не писать одной—щ? Почему для произношенія звуковъ *я, е* и *ю* необходимо замѣнять одну букву двумя (іа, іе и т. д.)?

Гг. Мигловаръ и Милевскій, очевидно, разчитывали, добившись разрѣшенія на печатаніе своихъ рукописей, дать въ руки такихъ же, какъ и сами они, присяжныхъ противниковъ русскаго алфавита надежное оружіе для борьбы съ тѣми, которыя имѣютъ научныя основанія отдавать этому алфавиту по степени пригодности его для выраженія звуковъ литовской рѣчи несомнѣнныя преимущества предъ алфавитомъ латино-польскимъ; отступленія отъ русскаго алфавита, какъ у г. Мигловара, такъ и у г. Милевскаго, прямо направлены были къ тому, чтобы затруднить для литовцевъ чтеніе книгъ и такимъ образомъ фактически доказать якобы несостоятельность этого алфавита для литовско-жмудскихъ изданій и необходимость перейдти къ шрифту латино-польскому. Этотъ разчетъ не удался; его поняли сразу, и предпріятію гг. Мигловара и Милевскаго не было дано дальнѣйшаго хода.

Не достигнувъ желанной цѣли путемъ ходатайства предъ правительствомъ, сторонники латино-польскаго шрифта обратились къ печатному слову. Въ 1884 году въ нѣкоторыхъ органахъ русской періодической печати стали появляться безъ подписи корреспонденціи, вышедшія изъ-подъ пера молодыхъ образованныхъ литовцевъ, составлявшихъ, надо полагать, отборныя силы въ ряду союзниковъ чисто польской партіи. Основныя положенія, отъ которыхъ отправлялись авторы этихъ корреспонденцій, въ сжатомъ видѣ могутъ быть

формулированы слѣдующимъ образомъ: Чтобы оградить литовцевъ отъ дальнѣйшаго ополяченія, необходимо пробудить въ нихъ прежде всего національное самосознаніе, а этого можно достигнуть только путемъ серьезнаго образованія и развитіемъ любви къ народному языку и къ прошлому. Болѣе образованные изъ литовцевъ уже теперь сознаютъ, что между ихъ интересами и интересами поляковъ въ Литвѣ нѣтъ ничего общаго, и что время, когда каждый образованный литовецъ долженъ былъ считать себя полякомъ, миновало. Для того, чтобы такое сознаніе, сдѣлалось достояніемъ массы, необходима народная печать, которой не существуетъ и существовать при русскомъ алфавитѣ не можетъ. При обязательности этого алфавита для литовско-жмудской письменности не только не можетъ быть рѣчи о литовской газетѣ для развитія массы, но не возможно даже изданіе популярныхъ книгъ по сельскому хозяйству и т. п., что гибельнымъ образомъ отражается на умственномъ и нравственномъ состояніи литовско-жмудскаго населенія. И такъ, огражденіе литовцевъ отъ дальнѣйшаго ополяченія, пробужденіе въ нихъ національнаго самосознанія, развитіе любви къ народному языку и къ прошлому—вотъ цѣль, къ которой направлялись стремленія неизвѣстныхъ защитниковъ литовскихъ интересовъ; серьезное образованіе массы, котораго предполагалось достигнуть изданіемъ спеціально литовской газеты, но непремѣнно латино-польскимъ шрифтомъ—вотъ средства для осуществленія цѣли.

Противъ изданія литовской газеты анти-польскаго направленія, конечно, нельзя было бы и теперь нельзя сказать ничего; имѣть газету, которая способствовала бы развитію и укрѣпленію въ литовцахъ правильнаго взгляда на литовско-польскія отношенія, разъясняя, что католицизмъ и полонизмъ—понятія различныя, было бы весьма полезно; но искренность патріотическихъ стремленій вовсе неизвѣстныхъ лицъ, добивавшихся изданія газеты въ 1884 году, возбуждала основательное сомнѣніе, находившее для себя крѣпкую поддержку въ видимой непріязни этихъ лицъ къ русскому шрифту. По ихъ мнѣнію, благотворное вліяніе газеты на литовско-жмудское населеніе было мыслимо лишь при условіи примѣненія къ ней только шрифта латино-польскаго. Почему же русскій шрифтъ не годился для этой цѣли? Въ отвѣтъ на это литовскіе сторонники латино-польскаго шрифта ссылались на консерватизмъ массы, привыкшей къ латино-польскому шрифту, по традиціямъ питающей къ нему непоколебимое расположеніе, съ одной стороны, и на противодѣйствіе римско-като-



лическаго духовенства, оказывающаго на литовскую массу подавляющее вліяніе—съ другой.

Первая ссылка вызвала въ свое время замѣчаніе, что примѣненіе русскаго шрифта къ какимъ бы то ни было литовскимъ изданіямъ, а слѣдовательно, и къ газетѣ, отнюдь не имѣло бы характера нововведенія, насильственно навязаннаго литовцамъ. Въ 1884 году число литвиновъ и жмудиновъ, хорошо знакомыхъ съ русскимъ шрифтомъ, было уже близко къ двумъ-стамъ тысячамъ, которые никакъ не отличались консерватизмомъ въ смыслѣ, указанномъ неизвѣстными литовцами. Что же касается противодѣйствія римско-католическаго духовенства, то его, дѣйствительно, отрицать нельзя; но если этому противодѣйствію нужно было придавать рѣшающее значеніе въ вопросѣ о шрифтѣ для литовской газеты, то о немъ, конечно, не позабыли бы и при выборѣ направленія, котораго должна была бы держаться эта газета, въ случаѣ разрѣшенія ея изданія; для обезпеченія успѣшнаго распространенія, а слѣдовательно, и самого существованія газеты ей несомнѣнно предстояла бы роль органа римско-католическаго духовенства, а при этомъ условіи способствовать развитію національнаго самосознанія литовцевъ, она, разумѣется, не могла бы вовсе.

Въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ по поводу шрифта тѣ же корреспонденты также стояли неподвижно на точкѣ зрѣнія латино-польской партіи. Они указывали между прочимъ на то, что многіе изъ прошедшихъ начальную русскую школу, по окончаніи въ ней курса, быстро забываютъ русскую азбуку и сами дома учатся литовскому языку по букварямъ, напечатаннымъ латинскимъ шрифтомъ. Но гдѣ же источникъ этого явленія? Кто, кромѣ завзятыхъ ревнителей полонизаціи Литвы и Жмуди, скажетъ, что такого рода явленіе, замѣчаемое и въ настоящее время, хотя и не въ столь сильной степени, какъ прежде, не искусственно, что оно не создано именно представителями римско-католической церкви въ Россіи? Русская школа не насилуетъ совѣсти своихъ малолѣтнихъ учениковъ-католиковъ: и по выходѣ изъ школы они остаются тѣми же правовѣрными католиками, какими вступили въ нее. Но, какъ католики, они должны подчиняться волѣ и распоряженіямъ своихъ духовныхъ пастырей, должны молиться по тѣмъ книгамъ, на которыя имъ указываютъ ксендзы; а ксендзы, какъ давно извѣстно, подъ разными предлогами избѣгаютъ книгъ, напечатанныхъ русскими буквами, и настойчиво рекомендуютъ своимъ пасомымъ изданія латино-польской печати. И

вотъ именно въ силу того, что іерархія католической церкви въ Россіи не желаетъ согласовать своихъ дѣйствій съ дѣйствіями правительства, и приходится религіознымъ молодымъ жмудинамъ, прошедшимъ русскую народную школу, учиться по-неволѣ польскому языку.

Указывали также на то, что изданныя русскимъ правительствомъ книги на литовскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ русскимъ шрифтомъ не находятъ сбыта. Относительно книгъ религіознаго содержанія это указаніе вѣрно: на распространеніе этого рода книгъ, дѣйствительно, и разчитывать трудно до тѣхъ поръ, пока высшій іерархъ римско-католической церкви не дастъ своего свидѣтельства, что въ этихъ книгахъ не замѣчается ничего противнаго римско-католической вѣрѣ. Что же касается другихъ изданій, то распространеніе ихъ шло довольно успѣшно. Это особенно нужно сказать о „Русской грамотѣ для литовцевъ“, которая, какъ замѣчено выше, выдержала не одно изданіе и поступала въ обращеніе не черезъ школы только, а иногда закупалась въ Вильнѣ и коробейниками: фактъ, говорящій не въ пользу основательности нападокъ на русскій шрифтъ.

Не колеблясь можно сказать, что авторы упомянутыхъ выше корреспонденцій сами находились подъ подавляющимъ вліяніемъ латинопольскаго духовенства. Иначе трудно объяснить себѣ, почему ограниченная по своей численности группа молодежи, ничѣмъ не заявившая себя ни въ наукѣ, ни въ литературѣ, къ тому же окружившая себя какою-то таинственностію, вдругъ заговорила о необходимости возрожденія и утвержденія въ литовско-жмудскомъ населеніи національнаго самосознанія при непремѣнномъ условіи изгнанія русскаго алфавита изъ литовскихъ и жмудскихъ изданій, заговорила почти въ одно время съ тѣмъ, какъ противъ этого алфавита рѣшительно и открыто ополчалось католическое духовенство, въ лицѣ представителя своего, епископа Бересневича.

Вышесказанныя въ печати посягательства молодыхъ литовскихъ лжепатріотовъ на остающееся въ силѣ и до настоящаго времени извѣстное распоряженіе генералъ-адъютанта Муравьева, конечно, не имѣли серьезныхъ послѣдствій, въ смыслѣ какой-либо перемѣны во взглядѣ правительства относительно шрифта для литовско-жмудскихъ книгъ; тѣмъ не менѣе они вызвали формально поставленный правительственною властію въ томъ же 1884 году общій вопросъ о результатахъ предпринятаго съ 1864 года примѣненія русскаго алфавита къ литовско-жмудской письменности и объ основаніяхъ, на ко-

торыхъ могло бы быть продолжаемо печатаніе этимъ алфавитомъ литовскихъ книгъ. Первая часть вопроса рѣшалась сама собою безъ всякихъ затрудненій: съ 1864 по 1884 годъ въ дѣлѣ введенія русскаго шрифта въ употребленіе въ средѣ литовско-жмудскаго населенія достигнуты были несомнѣнные успѣхи; представленный нами въ своемъ мѣстѣ послѣдовательный обзоръ данныхъ по означенному предмету даетъ достаточное тому доказательство. Устраненіе мѣры, отъ которой правительство ожидало значительной пользы, и которая на самомъ дѣлѣ такую пользу и принесла, было признано не желательнымъ; такъ какъ уступки противникамъ и колебанія въ этомъ отношеніи угрожали бы потрясеніемъ всей системы русскаго образованія въ Литвѣ, давно уже и прочно установленной.

Въ такомъ именно смыслѣ и данъ былъ отвѣтъ на первую часть вышеупомянутаго вопроса со стороны учебнаго вѣдомства, которое своими трудами и заботами въ теченіе продолжительнаго времени настойчиво и успѣшно распространяя на литовской окраинѣ русское образованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ подготовляло и почву для безповоротнаго рѣшенія вопроса объ алфавитѣ для литовско-жмудской письменности въ пользу русскаго шрифта, и для котораго, слѣдовательно, такое или иное рѣшеніе этого вопроса не безразлично.

Относительно условій успѣшнаго продолженія печатанія литовско-жмудскихъ книгъ русскими буквами были высказаны вѣскія соображенія, осуществленіе которыхъ, въ высшей степени желательное и въ интересахъ дѣла необходимое, превышаетъ единичныя усилія учебнаго округа, какъ бы велики они ни были. Вотъ эти соображенія:

1) Благовиднымъ предлогомъ, подъ которымъ ксендзы отказываются содѣйствовать распространенію изданныхъ русскимъ правительствомъ книгъ религіознаго содержанія, служитъ то, что книги эти не чужды ошибокъ и неточностей въ переводѣ. Это указаніе нужно принять въ разчетъ: быть можетъ, въ изданныхъ въ 1866 и 1867 годахъ книгахъ, какъ въ дѣлѣ тогда совершенно новомъ, и есть какія-либо неисправности въ редакціонномъ отношеніи. Поэтому полезно было бы подвергнуть изданныя въ упомянутыхъ годахъ книги религіознаго содержанія тщательному пересмотру. Въ средѣ нашихъ русскихъ ученыхъ есть люди, которые могли бы дать компетентное по этому предмету мнѣніе и указаніе. А для того, чтобы лишить ксендзовъ возможности ссылаться на несовершенства новыхъ изданій и оказывать противодѣйствіе распространенію ихъ среди литовско-жмудскаго населенія, необходимо истребовать одобреніе этихъ из-

даній въ религіозномъ отношеніи со стороны высшей власти римско-католической церкви въ Россіи. Никакихъ законныхъ основаній уклониться отъ исполненія этого требованія римско-католическій митрополитъ не имѣетъ и не можетъ имѣть, такъ какъ книги, о которыхъ идетъ рѣчь, ни въ чемъ не будутъ отличаться отъ оригиналовъ.

2) Не слѣдуетъ ограничиваться изданіемъ книгъ религіознаго и спеціально учебнаго содержанія; нужно позаботиться и о томъ, чтобы дать народу, знакомому съ русскимъ алфавитомъ, матеріалъ для полезнаго, поучительнаго чтенія; нужно поэтому, чтобъ издаваемы были книги и брошюры, въ которыхъ излагались бы полезныя для народа свѣдѣнія. Въ этихъ видахъ могли бы быть переведены: а) книжки и брошюры, указанныя, напримѣръ, для занятій при воскресныхъ и праздничныхъ чтеніяхъ въ сельскихъ школахъ Виленской губерніи; б) наиболѣе пригодныя для литовцевъ книги, изданныя въ С.-Петербургѣ для чтенія въ аудиторіяхъ Соляного городка, и въ Москвѣ коммиссіей по устройству народныхъ чтеній, избранныя изъ изданій комитетовъ грамотности С.-Петербургскаго и Московскаго.

3) Самъ собою возникающій вопросъ о томъ, кому можетъ быть порученъ трудъ перевода вышеозначенныхъ книгъ и брошюръ, легко разрѣшается, если припомнить, что изъ Поневежской учительской семинаріи выпущено уже болѣе 100 молодыхъ людей, знающихъ жмудское нарѣчіе. Въ числѣ этихъ молодыхъ людей есть такіе, которые въ сознаніи важности подобныхъ переводовъ сами добровольно приняли бы на себя подобную работу. Но высшее редакціонное наблюденіе за изданіемъ такихъ переводовъ, конечно, слѣдовало бы поручить лицу университетскаго образованія, основательно знакомому съ литовско-жмудскими нарѣчіями.

4) На изданіе вышеуказанныхъ переводовъ необходимо исходатайствовать особый кредитъ. Въ распоряженіи Виленскаго учебнаго округа, за исключеніемъ единовременно отпущенныхъ въ 1865 году 7 тысячъ рублей, никогда не было подобнаго кредита, и если учебный округъ въ виду важности распространенія среди литовско-жмудскаго населенія книгъ, печатанныхъ русскимъ шрифтомъ, не прекращалъ до нѣкоторой степени издательской дѣятельности, то онъ самъ же долженъ былъ изыскать и необходимыя для нея средства.

5) Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо настоять, чтобы распоряженіе генералъ-адъютанта Муравьева было обязательно не для одной только Виленской цензуры, но и для всего цензурнаго вѣдомства; въ про-

тивномъ случаѣ то, что̀ не разрѣшается къ печатанію цензурой Виленскою, можетъ быть разрѣшено цензурой, напримѣръ, Петербургскою.

6) Необходимо, наконецъ, чтобы подлежащія власти приняли энергическія мѣры если не къ совершенному уничтоженію, то по крайней мѣрѣ къ уменьшенію контрабаннаго ввоза книгъ и изданій на литовскомъ и жмудскомъ нарѣчіяхъ латинскими буквами, а равно и къ изъятію изъ народнаго обращенія такихъ книгъ и изданій, которыя попали и къ народу незаконнымъ путемъ.

Принятіе энергическихъ мѣръ къ возможно скорѣйшему осуществленію вышеприведенныхъ соображеній устранило бы возможность дальнѣйшаго противодѣйствія ксендзовъ распространенію русскаго алфавита среди литовско-жмудскаго племени и положило бы предѣлъ празднымъ домогательствамъ въ пользу возвращенія къ латино-польскому шрифту при печатаніи литовскихъ и жмудскихъ книгъ.

Между тѣмъ въ недавнее время, магистръ русской словесности, членъ-сотрудникъ Русскаго Географическаго Общества, Э. А. Вольтеръ, родомъ латышъ, совершившій рядъ этнографическихъ поѣздокъ по Литвѣ и Жмуди, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1887 года предложилъ этнографическому отдѣленію Русскаго Географическаго Общества печатать собранныя имъ литовскія пѣсни латинскимъ алфавитомъ. Такое предложеніе тѣмъ болѣе удивительно, что г. Вольтеръ, по видимому, признаетъ благомъ для литвиновъ тѣсную связь ихъ съ Россіей. Не далѣе, какъ лѣтомъ 1887 года онъ печатно высказывался, что „пора взяться за воспитаніе литовцевъ въ духѣ сближенія ихъ съ русскимъ народомъ, русскою литературой, русскою исторіей и вообще съ русскимъ обществомъ“, что „литовцы по отношенію къ славянамъ близкіе родственники, двоюродные братья“, что „славяно-русская азбука, безъ сомнѣнія, весьма удобна для передачи большинства литовскихъ и латышскихъ звуковъ“, что для успѣшнаго обученія литовцевъ „славяно-русской азбукѣ, примѣняемой къ литовскому языку, необходимо было бы въ народной школѣ обучать народъ на литовскомъ языкѣ и по русско-литовскимъ книгамъ“. Въ статьѣ своей: „Объ изученіи литовскаго языка и племени“ г. Вольтеръ, ссылаясь на сочиненіе В. Б. Антоновича [1]), между прочимъ говоритъ: „Безъ сомнѣнія, судьба литовскаго племени издавна связана съ судьбами Русской земли. Она связана такъ тѣсно,

---

[1]) Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго въ половинѣ XV столѣтія. Кіевъ. 1878.

что исторія Русской земли не можетъ быть разсказана безъ исторіи Литвы. Памятники литовской литературы, сборники законовъ, литовскія лѣтописи и акты литовскихъ судовъ написаны на русскомъ языкѣ“ и т. д. Въ той же статьѣ содержится указаніе, что профессора Московскаго университета Ф. Ѳ. Фортунатовъ и Вс. Ѳ. Миллеръ „напечатали 100 листовъ литовскихъ пѣсенъ русскимъ шрифтомъ и съ прибавленіемъ русскаго перевода, какъ результатъ поѣздки, совершенной ими въ 1871 году въ Людвиновскую гмину, Кальварійскаго уѣзда, Сувалкской губерніи“. Указывая на это, г. Вольтеръ выражаетъ сожалѣніе, что названный сборникъ „скоро сдѣлался библіографическою рѣдкостью, такъ что въ настоящее время литовскія народныя пѣсни съ русскимъ переводомъ русскому читателю доступны только въ небольшой книжкѣ покойнаго И. Юшкевича, изданной Императорскою Академіей Наукъ въ 1867 году“.

Г. Вольтеру, какъ извѣстно, возражалъ профессоръ С.-Петербургской духовной академіи М. О. Кояловичъ, помѣстившій вслѣдъ затѣмъ въ Церковномъ Вѣстникѣ статью подъ заглавіемъ: „Судьбы русскаго просвѣщенія и русской религіозной жизни на окраинахъ Россіи“. Выразивъ удивленіе по поводу неожиданнаго предложенія г. Вольтера и замѣтивъ вскользь, что предложеніе это поддерживалъ членъ-сотрудникъ Географическаго Общества Ю. П. Кузнецовъ, родомъ также изъ латышей, предложившій въ свою очередь печатать всякія литовскія книги латино-польскимъ шрифтомъ, издавать имъ даже литовскую газету, конечно, во имя истинныхъ интересовъ литвиновъ и для ихъ сближенія съ Россіей, М. О. Кояловичъ говоритъ: „Вся эта система, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ ея изобрѣтателей, вѣрнѣе всего вредила бы Литвѣ и Россіи. Браться за такую систему — значило бы дѣйствовать противъ враговъ ихъ же оружіемъ; но при этомъ сейчасъ же возникаетъ вопросъ: умѣлы ли и надежны ли тѣ руки, которыя будутъ дѣйствовать этимъ оружіемъ на защиту литвиновъ? Сомнѣніе на этотъ счетъ встанетъ сейчасъ же во всей силѣ, какъ только мы вспомнимъ, что тутъ главными дѣятелями были бы собственно не молодые ревнители блага литовцевъ, каковы нѣкоторые литвины, получившіе хорошее русское образованіе, въ числѣ которыхъ, полагаемъ, стоятъ и гг. Вольтеръ и Кузнецовъ, а латинскіе ксендзы въ литовскихъ областяхъ, ксендзы, которые теперь направлены противъ русской азбуки и среди которыхъ истинные литвины всегда могутъ быть снесены съ лица литовскихъ областей при нынѣшней власти нашихъ латин-

скихъ епископовъ... Молодые литвины хотятъ сразу поставить дѣло и научно, и широко,—создать для литвиновъ фонетическую азбуку, то-есть, такую, которая бы точно передавала оттѣнки избраннаго ими для литовскаго литературнаго языка литовскаго нарѣчія и, разумѣется, берутъ для этого одно изъ такихъ литовскихъ нарѣчій, которое больше разработано поляками и за которое теперь сильно берутся и нѣмцы, именно чаще всего тельшевское, а это значитъ иѣлать насиліе надъ другими литовскими нарѣчіями, особенно обидное для восточныхъ литвиновъ и весьма странное съ русской точки зрѣнія. У всѣхъ литвиновъ есть въ ихъ нарѣчіяхъ не мало слѣдовъ дхъ вѣковой связи съ славянскимъ языкомъ, а у восточныхъ литвиновъ даже произношеніе литовскихъ словъ въ значительной степени подчинилось законамъ рѣчи ихъ ближайшихъ и самыхъ дружественныхъ сосѣдей—бѣлоруссовъ. Неужели можно разумно рвать у литвиновъ эти вѣковѣчныя связи съ русскимъ языкомъ въ борьбѣ съ поляками и нѣмцами, предпринимаемой во имя сближенія литвиновъ съ русскими, имѣя притомъ подъ руками уже довольно привычную литвинамъ богатую и гибкую русскую азбуку, которая можетъ быть приложена и уже прилагается къ литовскому языку безъ всякаго искусственнаго преобладанія одного литовскаго нарѣчія надъ другимъ, то-есть, безъ существеннаго насилія надъ ними и безъ скороспѣлаго рѣшенія вопроса о будущемъ литературномъ литовскомъ языкѣ?.. Принимаясь, на защиту литовцевъ, воевать съ поляками и нѣмцами ихъ же оружіемъ, мы воевали бы съ ними съ весьма сомнительнымъ успѣхомъ, и навѣрное поражали бы этимъ оружіемъ своихъ, потому уже, что заставили бы громадную массу литвиновъ бросать русскую азбуку и приниматься за польскую, что, дѣйствительно, не могло бы не отозваться дурно на всей системѣ русскаго образованія и не только въ чисто литовскихъ областяхъ, но и во всей западной Россіи".

Само собою разумѣется, что при вопросѣ объ изданіи литовско-жмудскихъ книгъ тою или другою азбукой весьма важно знать о количествѣ литовцевъ, знающихъ русскую азбуку. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ оказывается, что въ народныхъ сельскихъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа, за все время ихъ существованія, обучены русской азбукѣ приблизительно до 204 тысячъ литовцевъ и жмудиновъ. По статистическимъ даннымъ послѣдняго времени, въ народныхъ училищахъ Ковенской губерніи число учениковъ-жмудиновъ по отношенію къ общему числу учащихся дѣтей сельскаго сосло-

вія составляетъ почти 80%; то же отношеніе въ уѣздахъ Виленской губерніи, населенныхъ коренными литовцами, опредѣляется 31%. Если къ нимъ прибавить литвиновъ и жмудиновъ городскихъ училищъ Сѣверо-Западнаго края, низшихъ и среднихъ, и разнаго рода училищъ Варшавскаго учебнаго округа, и притомъ принять во вниманіе успѣшные результаты по части освоенія съ русскою азбукой, достигаемые полковыми школами по отношенію къ литвинамъ-солдатамъ, то общее число всѣхъ литовцевъ и жмудиновъ, обученныхъ русской азбукѣ до настоящаго времени, безъ преувеличенія можно опредѣлить болѣе чѣмъ въ 300 тысячъ. Правда, есть большое число литвиновъ, знающихъ только польскую азбуку. Это—литвины стараго поколѣнія, и если при изданіи литовскихъ книгъ или газетъ руководствоваться коммерческими соображеніями, то конечно, эти книги и газеты нужно издавать по польски; коммерческій расчетъ оправдается несравненно, потому что знающихъ польскую азбуку не только большинство, но и большинство, очень состоятельное въ матеріальномъ отношеніи, почти все хозяева, тогда какъ обученные русской азбукѣ—молодое, не обезпеченное и часто весьма бѣдное поколѣніе. Но русскіе люди, искренно ревнующіе о благѣ литвиновъ, должны стать на сторону этого молодаго поколѣнія: въ него положено много русскаго труда и въ немъ — близкая намъ будущность Литвы.

———

Краевая Библіотека
№ 148891
Книгохранилище
Куйбышевского края

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, октябрь 1888 г.

Типографія В. С. Балашева. Екатерининскій кан., д. 78.

10к

Выдано изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія октябрь 1888 г.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., д. 73.